

А правах старого знакомого **напросился в гости к Роману Григорьевичу, живущему на Тверской, в двух шагах от Красной площади. Виктюк пользуется английские правила гостеприимства (мой дом — моя крепость), поэтому перед штурмом я провел разведку боем: слышал, Роман Григорьевич, что ваша CD-коллекция может конкурировать с той, которую мне доводилось видеть дома у признанного музавторитета Артемия К. Троицкого. Мол, хочу посмотреть, сравнить. Докладываю: крепость взял. Коллекции сравнил. Кажется, Виктюк даже может дать Троицкому фору...**

— Роман Григорьевич, как же вас — с вашей нелюбовью ко всему советскому — угораздило поселиться в квартире Василия Сталина?
— Зачем ты об этом вслух спрашиваешь? Хочешь, чтобы меня отсюда выселили?
— С какой стати?
— Ты наивный совершенно! Захотят — и выкинут на улицу без всяких разговоров. Местная милиция, конечно, говорит, что я национальное достояние, но прикажут выселить и — выселят. У меня ведь даже нет и никогда не было разрешения на эту квартиру, приватизационного... — так, кажется, называется? — чека. Он в жеке или еще где-то. Видишь, об этом даже думать нельзя, а ты спрашиваешь...
— Но вы же купили эту квартиру, она ваша?

— Я поменялся с Сашей Бурдонским, режиссером, внуком Сталина.
— А соседи у вас кто?
— Какой-то банкир, я его не знаю. Наверну, надо мной — Варенников.
— Генерал Варенников?
— Почему генерал? Он работает заместителем у Брежнева, ой, не у Брежнева, ты меня совсем запутал, у главного среди министров.

— У Черномырдина Варенников не работает. Может, Каданников?
— Да-да, Каданников! Я же их никого не знаю... Они, правда, здороваются, когда на лестнице встречаемся. Я отвечаю — воспитанные люди. Ну вот: ты сейчас напишешь, и меня сразу выгонят. А квартира, между прочим, хорошая...
— Давно вы здесь живете?

— Недавно. Лет шесть... или пять. Не помню.
— Не страшно одному в такой квартире? Тени прежних жильцов по вечерам не беспокоят?

— Да, я боюсь. Но не привидений или теней каких-то ваших советских покойников, а вполне живых крыс. С первой я познакомился еще во время ремонта в квартире. Сажу на кухню, разговариваю по телефону и вдруг замечаю в углу огромную крысу с длинным хвостом. Я ей тихо говорю: «Уходи!» Она на меня внимательно смотрит и не шевелится. Продолжаю уговоры дрожащим голосом: «Крыса, крыса, перехожу на прием!» Я ведь тоже по знаку Зодиака — Крыса...

Словом, пришлось мне среди ночи звонить знакомым артистам и с помощью добрых людей таскать со стройки цемент, замазывать щели раствором с битым стеклом. Но утром крыска вернулась опять. Что я только не делал! В конце концов сдался, даже подкармливать ее начал. Справедливости ради надо сказать, что крыска вела себя прилично, не хулиганила, мне не мешала. Когда она исчезла, мне без нее даже стало скучно. Правда, потом появилась мышка. Она была просто замечательная!

Так что в этом доме я познакомился сначала не с тенями, а с андеграундом. Потом был священник.
— Вы осятили жильё?
— А как же иначе! По-другому тут нельзя. Утром встанешь, выйдешь на один балкон, увидишь Государственную думу и скажешь себе: «Твою мать!» Развернешься, пойдешь на второй балкон, наткнешься взглядом на звезды Кремля и еще пуше заматерись. А потом махнешь на все рукой и смиришься: «Хрен с ними! Пойду репетировать!»

Так у меня начинается каждый день. А ночью снится один и тот же сон.

— Наверное, Василий Сталин в кошмарах является?

— Дался тебе этот Сталин! Что я, сумасшедший? Я слышу голос, который кричит: «Виктюк, на сцену! На сцену!» В итоге просыпаюсь от собственных слов: «Я всегда на сцене». Знаешь, мне действительно кажется, что я никогда не уйду с подмостков. И эта квартира — только декорация, в которой я играю пьесу собственной жизни.

— А зрители у этого спектакля есть? Мне показалось, вы не слишком любите пускать посторонних в свой дом.
— На то он и дом, чтобы чужие сюда нос не совали. Другой же я всегда рад видеть.

— Не могу себе представить Виктюка, любомудрствующего на кухне в стиле а-ля московская интеллигенция.
— Правильно, что не можешь. Какая из меня московская интеллигенция?

Собеседник — 1996. — № 26. — С. 10-11

Я тебе расскажу один случай. Уже года полтора занимаюсь тем, что выбиваю помещение для своего театра. Наконец, мне пообещали отдать пустующий лет шесть Дворец культуры Русакова в Сокольниках. Кстати, это потрясающее театральное здание с прекрасным зрительным залом, словно специально для нас построенное. На это помещение претендовал ансамбль «Березка», Семен Фарада хотел организовать там уголок помощи детям-сиротам, но спор выиграл я. Осталось сделать последнее: оформить документы в каком-то из управлений московского правительства. Я спрашиваю адрес, и вдруг выясняется, что судьба моего театра будет решаться на улице Белинского в доме номер пять, где когда-то находилось общежитие Театра Моссовета и где я жил после переезда в Москву. Более того! Кабинет чиновника, подписывающего все бумаги, располагается сегодня именно в той комнате, которую занимал я. Ты можешь поверить в такое совпадение? Я зашел в свою комнату, стал у подоконника, на котором прежде завтракал, обедал и ужинал... Я ведь, как Раскольников, всегда ем на подоконнике.

— И сейчас?
— А что? Обожаю!
Не перебивай! Подошел я к окну, а вокруг какие-то люди — Фарада, ансамбль «Березка», их все больше, больше, и мне некуда больше деться, как взобраться на старый подоконник. И тогда я окончательно понял, что здание ДК будет моим. Знак?

— Трогательно, но к чему вы рассказали мне все это? Я спрашивал об отношении к московской интеллигенции.

— Ты спрашивал о Сталине и о кошмарах. Я и отвечаю. Во-первых, в доме на Белинского до того, как там сделали общежитие, жил генерал Власик, начальник охраны Сталина. Так что эта фигура меня определенно преследует по жизни. Во-вторых,

наверное, когда-то мне в этом общежитии приснился сон о собственном театре, хотя я тогда и не мечтал о нем, и сон сбывлся спустя годы.

Да, я верю во все эти знаки, поэтому и наперед знаю, что и когда будет.

— А по поводу России у вас никаких знаков нет?

— Перед первым туром президентских выборов я ездил на телевидение, говорил о своей поддержке Бориса Ельцина. Знак в виде серпа и молота меня категорически не устраивает.

— Демонстрация верноподданнических чувств по отношению к правящему президенту — это плата за благосклонность к вам властей, за здание театра и т.д.?

— Какая благосклонность, о чем ты? Ничего подобного. И с Ельциным началось — то все не вчера. Еще накануне прошлых выборов, в 91-м году, Борис Николаевич приходил к нам на спектакль «М. Баттерфляй» в Театр имени Моссовета и произносил какие-то хорошие слова в адрес артистов. В итоге собравшиеся на премьеру говорили о необходимости поддержки на выборах Ельцина.

— И вы участвовали в обмене любезностями?

— Нет, я тогда репетировал в Ленинграде. Поэтому все случилось без меня.

А с другим теперь уже экс-кандидатом в президенты я познакомился совсем недавно, во время гастролей в Китае. Как-то утром я ждал лифт в гостинице. Вдруг двери кабины открываются, и я вижу внутри живого товарища Зюганова. Картина показалась мне настолько нереальной, что я замер на месте. Мы долго смотрим друг на друга, Зюганов здоровается, я молчу в оцепенении, двери закрываются, и лифт уезжает. Вечером того же дня я был в гостях у российского посла в Китае, и он рас-

скажу. Однажды я совершил в жизни смелый шаг и поддался на уговоры занять должность главного режиссера театра. Поехал в город Калинин, расположенный недалеко от цитадели коммунизма.

— Это какой же цитадели?

— Господи, да Кремля вашего московского!

— Скорее, все же вашего — вы ведь живете в двух шагах от этой цитадели, а не я.

— Это я теперь живу, а то, о чем я рассказываю, было давно. Короче, приехал в Калининский театр имени Ленинского комсомола. Начальник управления культуры привел меня к секретарю обкома по идеологии — за благословением. Стоял солнечный день, но в кабинете все шторы были задернуты, и я даже не сразу заметил в кресле маленького худенького человечка со злыми, затравленными глазами — этакий таракан без усов. Мне захотелось его развеселить, и я попробовал пошутить. Секретарь не понимал причин моей радости и зверел все больше. По его разумению, я должен был излагать идеологическую платформу воспитания советской молодежи посредством театра в канун славного 100-летнего юбилея со дня рождения вождя мирового пролетариата Ульянова-Ленина. Я же продолжал хохмить и на восьмой или десятой минуте разговора бросил фразу: «Я как еврей...» Обычно в обществе таких людей, как Юрий Даниэль (слыхал, да?), эта шутка проходила. А здесь — тишина. На двенадцатой минуте я снова говорю: «Я как еврей...» Опять ноль эмоций. Три раза я попытался так пошутить, секретарь меня не понял, но фразу запомнил.

А юбилей Владимира Ильича приближался. Мне удалось убедить партбюро, что по сему случаю надо ставить «Коварство и любовь» Шиллера.

вспомнить, а я закончил: «... и любовь». Все радостно закивали.

— Вы были в музее Ленина?

— Боже упаси! Никаких писем я и в глаза не видел, но мне очень хотелось поставить Шиллера. На партактиве для пушей убедительности я даже прочитал несколько строк из Маяковского: я и Ленин, мы вдвоем, он портретом на стене... ну и так далее. Короче, мне захлопали и разрешили играть Шиллера. Все было бы замечательно, если бы в Калинин не приехал вместе со своими киношниками Марчелло Матростройни, чтобы снимать фильм «Подсолнухи». Матростройни пришел к нам на спектакль и после его окончания стал бегать по залу и кричать, что он раньше думал, будто попал в дремучую Сибирь, будто вокруг однообразие и пьянство, а здесь — Европа, Европа! Марчелло стал требовать книгу отзывов, у нас же ее отродясь не было. Срочно сотворили из первой попавшей тетради. Матростройни написал туда какие-то восторженные слова. Все это наблюдал секретарь по идеологии и сделал свой вывод: раз спектакль понравился представителю буржуазного искусства, значит, в нем есть неконтролируемые ассоциации. Тем более, добавил секретарь, что спектакль поставил еврей Виктюк.

Я не был ни членом партии, ни комсомола, ни профсоюза, ни Красного Креста, ни — даже — Красного Полумесяца. Меня никак нельзя было взять, и тогда на мою родину во Львов отправили депешу с требованием подтвердить мое еврейское происхождение. Наверное, пыта-

РОМАН ВИКТЮК ПО ФОНТАНУ ПОФИМЕННИ

сказал, что Зюганов, похоже, обиделся на то, что я его не узнал. Но на самом деле я узнал Главного Товарища России, но лифты в Китае больно уж скоростные, я не успел среагировать. Потом я даже хотел догнать Зюганова, но поздно.

— И что бы вы сказали?

— Знаешь, даже в самой смелой мизансцене я не могу представить, как и о чем я бы с ним разговаривал.

— Страшно?

— Почему страшно? Просто мы живем с ним в разных мирах. Я не знаю его языка, не понимаю его слов.

— А ну как коммунисты все-таки возьмут реванш?

— Тогда есть Израиль. У меня подготовлены запасные пути.

— Неужели в евреи запишется?

— Запишусь! Я уже и зондаж провел. Российский посол Бовин ко мне очень хорошо относится, обещал посодействовать.

— Признавайтесь, вы еврей в каком колене?

— Понимаешь, я этот путь уже прошел. Мою еврейскость столько раз проверяли — куда тебе!

— Очень подходящая пьеса.

— Хо, это отдельный рассказ! Дело было так: на заседании актива в присутствии первого секретаря обкома партии я взял слово и стал шпарить — без бумаги, что в то время казалось невероятным. Эту сцену стоило увидеть! Я — с длинными волосами, в красной польской куртке в крупную клетку, у меня за спиной — каменный Ленин и почти столь же окаменевший секретариат обкома, а в зале — сплошные черные пиджаки и витающие в воздухе над ними густые клубы перегара.

Я стал рассказывать, как был в музее Ленина и на стеллаже номер такой-то в папке документов вождя номер такой-то нашел письмо Клары Цеткин к Надежде Крупской, в котором Клара пишет, что во время ее встреч с Лениным за границей Владимир Ильич делился мечтой о том, чтобы русская молодежь когда-нибудь увидела великую трагедию Фридриха Шиллера «Коварство и...». Тут я сделал паузу, зал чернопиджачников шевельнулся, поднапрягся, пытаюсь что-то

лишь таким образом доказать, что я агент сионизма. Из Львова трижды — трижды! — отвечали, что у Виктюка нет в роду евреев, но из Калинин требовали: как нет, если Виктюк сам признался! Доказать, что я жид, не смогли, но это не помешало мне уволить меня из театра. Вместе со мной ушли еще 25 человек, все выпускники Вахтанговского училища. Это грустная история...

Так что евреем я уже был. Ничего нового к этому добавить сегодня не могу. Поэтому я спокойно реагирую, когда в поездках по Израилю меня обязательно кто-нибудь из зрителей с придыханием спрашивает: «Скажите, вы наш?» С Фимой Шифриним мы даже придумали маленькую сцену. Я заучил несколько слов на иврите и в самом конце спектакля, когда все артисты выходят на поклон к зрителям, как бы случайно говорю по-еврейски, а Фима мне отвечает — тоже по-еврейски. А рядом стоят микрофоны, и в зале все слышно. Народ совершенно обалдевает: «Они между собой говорят на НАШЕМ